

ДУРОВ, Сергей Федорович [1816, Орловская губ.-- 6(18).XII.1869, Полтава] --поэт, переводчик, прозаик, общественный деятель. Происходил из родовитой, но бедной дворянской семьи. Отец -- полковник, умер в 1834 г., не оставив наследства. Плату за обучение Д. в Благородном пансионе при Петербургском университете (1828--1833) вносил его дядя по матери, известный драматург Н. И. Хмельницкий. С 1833 по 1847 г. Д. служит по гражданскому ведомству, занимая скромные должности, затем выходит в отставку в чине коллежского асессора и становится профессиональным литератором. Интеллигент-демократ по жизненному опыту, Д. легко вошел в общественный и литературный мир Петербурга 40 гг.

В периодике он печатается с 30 гг., но редко и анонимно. С 1843 г.-- гораздо чаще и под собственным именем. Большинство произведений Д. написано с 1843 по 1849 г., до ареста по делу М. В. Петрашевского. В историю русской литературы он вошел как поэт и писатель-петрашевец, участник "натуральной школы". Стихотворения, повести, физиологические очерки Д. рассеяны по альманахам ("Молодик".-- 1843, 1844, "Метеор".-- 1845, "Новоселье".-- 1846, и др.), журналам (см. Лит.) и газетам ("Литературная газета", "Санкт-Петербургские ведомости") 40 гг., несколько стихотворений -- по журналам 60 гг. ("Современник", "Время", "Эпоха", "Отечественные записки"). В отдельное издание произведения Д. не собирались.

Если написанное им со временем затерялось в литературном море эпохи, то его личность и судьба запечатлелись в памяти современников и потомков. Человек незаурядного ума и обширных познаний, покоряющей убежденности, душевного благородства и обаяния, он до конца жизни умел привлекать сердца и оказывать поразительное влияние на самых разных людей: в 40 гг.-- на участников кружков Петрашевского и своего, в 50 гг.-- на Ч. Валиханова, Г. Н. Потанина, В. П. Буренина и др. Вокруг него (по признанию А. Н. Плещеева, Н. П. Григорьева, А. П. Милюкова) всегда создавалась особая, вдохновляющая атмосфера. Облик Д. сохранился в романах А. И. Пальма "Алексей Слободин" (под именем Рудковского), П. М. Ковалевского "Итоги жизни" (под именем Сорнева), в "Записках из Мертвого дома" и "Подростке" (в образе Версилова) Ф. М. Достоевского. Многие поэты (среди них Плещеев) посвятили Д. задушевные стихи.

С зимы 1847/48 гг. он постоянный посетитель "пятниц" Петрашевского, высказывает там свои взгляды: о необходимости вооружать подчиненных не против непосредственных начальников, а против корня зла, который -- "в законе и государе"; о том, что писать для журналов нужно смело и свободно, не оглядываясь на цензуру, тогда из множества идей хоть одна, да "проскочит"; что семейные и родственные узы лишь опутывают человека (отголосок идей Ш. Фурье), а брак, даже по любви, при недостаточном материальном обеспечении -- безумие и др. Д. часто и с успехом читает свои сочинения. Здесь же познакомился с учением Фурье и других социалистов-утопистов, однако отнесся к их проектам критически: "Согласен, что труд может быть усилен и лучше организован... что от этого физические нужды человека умалются...; но страсти, но болезни, утраты близких нам по сердцу -- для этого одно лекарство -- вера" (Дело петрашевцев.-- Т. III.-- С. 190). Неудовлетворенный сумбурным характером вечеров у Петрашевского, Д. вместе с Пальмом и А. Д. Щелковым организует весной 1849 г. у себя на квартире отдельный кружок, куда входили, помимо хозяев, бр. Достоевские, Плещеев, Н. П. Григорьев, П. Н. Филиппов, В. А. Головинский, Ф. Н. Львов, Н. А. Спешнев, Милюков и нек. др. Всего было семь вечеров и обед у Спешнева. Вскоре собрания приняли опасное политическое направление: члены кружка решили исследовать социально-экономическое состояние России в духе новых гуманных идей; читались антиправительственные сочинения ("Письмо Белинского к Гоголю" -- Ф. М. Достоевским, "Солдатская беседа", одна из первых попыток революционной пропаганды в армии,-- Н. П. Григорьевым); шла речь о подпольном литографировании запрещенных цензурой произведений. Небольшая группа кружковцев (Спешнев, Достоевский, Филиппов, Львов) занялась устройством тайной литографии. Сведения о политических взглядах самого Д. противоречивы. С одной стороны, налицо революционные, радикальные тенденции: высказывание о "законе и государе" ряд стихотворений ("Кияйя", 1845; "Н. Д. П-ой", 1863). С другой -- Д. не сочувствовал идее тайной литографии и поэтому прекратил в апреле 1849 г. свои вечера. Как и некоторые другие петрашевцы (Достоевский, Головинский), он верил в особый, по сравнению с Западом, путь социального развития России, в то, что "народу русскому приуготовлены великие судьбы" (Там же.-- С. 192) и что перемен к лучшему следует ожидать от правительства. Видимо, для самого Д. в этом вопросе не было ясности. Интересно, что эту его "расколотость" почувствовал и передал десятилетия спустя в своем Версилове Достоевский.

После ареста (23 апреля 1849 г.) Д. провел восемь месяцев в одиночной камере Петропавловской крепости. Был приговорен к расстрелу. Мужественно пережив обряд смертной казни и последующее помилование, он вместе с Достоевским был отправлен на четырехлетнюю каторгу в Омский острог, где потерял здоровье, но сохранил убеждения и бодрость духа. Выйдя из острога в 1854 г., Д. и Достоевский проводят месяц в доме дочери декабриста И. А. Анненкова в Омске. Связей со ссыльными декабристами,